

ФЕДОРОВА Л. Л.

О ДВУХ РЕФЕРЕНТНЫХ ПЛАНАХ ДИАЛОГА

Анализ диалога как формы речевого общения предполагает рассмотрение его в рамках ситуации общения с учетом ряда экстралингвистических факторов. Одним из таких факторов является наличие так называемой референтной ситуации, к которой относится содержание высказываний собеседников. Такая ситуация, модель которой формируется в сознании собеседников в процессе общения, представляет собой некоторый фрагмент действительного мира, связанный с высказываниями говорящих референтной соотносительностью, и образует внеязыковой контекст сообщения. «Самый факт использования и присвоения языка отвечает потребности говорящего установить посредством речевого сообщения некоторое соотношение, референцию с реальным миром, а у партнера создает возможность установить тождественную референцию — в той прагматической согласованности, которая делает из каждого говорящего собеседника. Референция является неотъемлемой частью акта высказывания» [1].

Однако помимо очевидной референтной связи с ситуацией, о которой идет речь в диалоге, высказывания собеседников тесным образом связаны и с самой ситуацией общения. Эта связь проявляется прежде всего в складывающейся в диалоге и согласованной между собеседниками системе координат — временных, пространственных, личностно-субъектных [2] — точкой отсчета, в которой и выступает сама ситуация общения и на основе которой производится употребление глагольных времен, дейктических форм речи, личных местоимений, а также форм вежливости и стилистически окрашенных форм.

Особый вид референтной связи, характеризующей употребление в речи некоторых языковых форм, отмечается Э. Бенвенистом. Он выделяет три типа языковых форм, связанных в разной степени с производством высказывания: местоимения *я* — *ты*, средства остенсивного указания (типа *это*, *здесь* и т. п.) и глагольные времена, центральной формой которых является настоящее время, определяемое моментом речи. Все эти языковые средства образуют формальный аппарат высказывания, который Э. Бенвенист характеризует как ауторефлексивный, т. е. соотносительный с собственным употреблением говорящего. К формальным средствам высказываний Э. Бенвенист относит и ряд текстовых функций, таких, как вопрос, подтверждение, побуждение, модальность. В центре группы языковых средств, относящихся к формальному плану высказывания, находится местоимение *я*, по отношению к которому определяются и другие речевые формы, имеющие ауторефлексивную референцию.

Иначе к вопросу референтной неоднородности высказываний подходят другие лингвисты, выделяя в структуре текста два семантических плана — один, относящийся к предмету речи, и другой, относящийся к самому высказыванию. Второй план, называемый метатекстом, представляет собой как бы комментарии самого говорящего к основному тексту, выявляющий его структурную и смысловую организацию. Метатекстовые элементы внедряются в структуру основного текста, однако они обычно могут быть извлечены из него без изменения его содержания. К ним относятся такие формы, как *начну с того*, *прежде всего*, *иначе говоря*, *кстати*, *в сущности*, *откровенно говоря*, *например*, *кажется*, *вроде бы*, *довольно*, *почти*, *что касается*, *во-первых*, *во-вторых*, *наконец*, *итак*, *а именно* и т. д. К метатекстовым относятся также глаголы, выражающие волеизъяв-

ление (*прошу, советую*) или перформативные глаголы (*обещаю, протестую*). Ядро семантической структуры этих речевых форм образует метаплеонастический элемент «я говорю, что . . .».

Можно заметить, что основной чертой метатекстовых элементов является их референтная отнесенность к высказыванию, к акту речи, которую можно назвать метареферентной соотнесенностью.

Итак, в лингвистической литературе уже намечены подходы к анализу явления метареференции и его сущности.

Ниже мы постараемся показать, что обращение к социолингвистическим и психолингвистическим аспектам анализа диалога может дать более полную картину этого явления.

Элементарным объектом такого анализа будет служить акт речевого взаимодействия, представляющий собой однократный обмен речевыми действиями — иначе говоря, репликами — между собеседниками. При этом первая реплика выступает в роли акции, вторая (и остальные) — в роли реакции.

Каждый акт речевого взаимодействия производится в рамках некоторой ситуации общения. Под общением здесь понимается комплексная деятельность, внешней стороной которой является собственно коммуникация, т. е. передача сообщения, а внутренней — социальное взаимодействие людей. Уровневый характер содержания общения обуславливает возможность выделения двух уровней его анализа: коммуникативного и социологического.

Модель ситуации общения включает ряд факторов, необходимых для осуществления речевого взаимодействия. Помимо отмеченной соотнесенности с референтной ситуацией, одним из основных факторов модели является наличие по крайней мере двух собеседников, осуществляющих в речевом взаимодействии свои цели. Поскольку собственно коммуникация, или передача сообщения, подчинена социальному взаимодействию людей, она непосредственно определяется промежуточными целями, подчиненными целям социального взаимодействия. Под социальным взаимодействием понимается «активность коммуникантов, направленную на регуляцию, координацию (в широком смысле) их совместной деятельности» [3].

Для каждого акта речевого взаимодействия можно говорить, таким образом, о двух типах целей, определяющих речевое поведение каждого из собеседников: цели речевого (социального) воздействия (здесь мы используем термин Дж. Остина) и цели передачи сообщения, или коммуникативной цели. Для диалога в целом, рассматриваемого как последовательное объединение актов речевого взаимодействия, можно говорить еще и об определяющей его развитие общей цели социального взаимодействия — а именно цели общения.

В соответствии с изложенным механизмом целенаправленностей речевые действия, производимые собеседниками, могут быть разложены на составляющие их элементарные действия: речевое воздействие и коммуникативное действие. Эти элементарные действия имеют различные объекты: объектом речевого воздействия является собеседник, объектом коммуникативного действия — сообщение.

В наиболее общем виде речевое воздействие может трактоваться как стимулирование ответа собеседника («прошу ответить»), коммуникативное действие — как собственно сообщение, предметом которого является x («сообщаю x , говорю об x). Более частными формами речевого воздействия являются приказ, просьба, предложение, разрешение, приглашение, совет и др.; более частными видами коммуникативных действий являются вопрос, сообщение, суждение, подтверждение, отрицание, эмоциональная оценка и др. Такая модель описывает акты речевого взаимодействия, относящиеся к общению-действию, т. е. к речевой деятельности, включаемой в деятельность более высокого порядка — в социальное взаимодействие — и подчиненной ее целям.

Существуют, однако, акты речевого взаимодействия и другого типа, относящиеся к общению-деятельности, т. е. непосредственно соответствующие социальному взаимодействию в той его форме, которая имеет

собственно речевое воплощение — в форме ритуализованного речевого поведения. Это, в частности, акты приветствия, прощания, извинения, благодарности и др., образуемые действиями некоммункативного характера.

Описанные два типа смысловых структур (а также возникающие на их основе смешанные типы) определяют смысловую организацию диалога, выделяя в ней два содержательных плана: один, связанный с предметом сообщения, и другой, связанный с самой ситуацией общения. Первый содержательный план оказывается как бы вложенным во второй, аналогично тому, как предмет сообщения, являясь одним из компонентов акта речевого взаимодействия, включается в рамки модели ситуации общения. В соответствии с этим референтная соотнесенность второго содержательного плана диалогической речи с ситуацией общения приобретает особый характер, позволяющий обозначить ее термином «метареференция», а сам этот второй план — метареферентным.

Обращаясь к собственно лингвистическому уровню анализа диалога, можно теперь проследить сферу распространения метареферентного плана в его языковой структуре. Очевидным образом в эту сферу включается и формальный аппарат высказывания, и метатекстовые элементы. Более широкие границы метареферентного плана диалога определяются тем, что в его основе лежит нечто большее, чем ауторефлективный элемент «я» или метаплеоназм «я говорю, что. . .», — а именно смысловая структура акта речевого взаимодействия.

Интерес представляет выделение системы метареферентных элементов в структуре диалога. В эту систему включаются разнообразные языковые средства: лексические, грамматические, интонационные (интонационные средства не включаются в сферу нашего анализа).

Метареферентные элементы могут трактоваться как поверхностные представления глубинных структур, соответствующих обобщенным смысловым моделям актов речевого взаимодействия. Таким образом могут быть рассмотрены поверхностные представления основных компонентов глубинной — метареферентной — структуры акта речевого взаимодействия: субъекта речи и его собеседника и различных типов речевых действий: речевого воздействия, коммуникативного действия, некоммункативного речевого действия. Последний компонент глубинной структуры — предмет сообщения — предстает в диалоге в виде референтной ситуации, «вложенной» в метареферентную ситуацию общения. Потому представляющие его языковые средства выступают в собственно референтной функции и образуют референтный план высказывания.

Для обозначения субъекта речи и его собеседника используются формы личных местоимений и личные формы глаголов. Выступая в ауторефлективной функции, эти элементы определяют ауторефлективное употребление сопряженных языковых категорий: притяжательных местоимений, указательных местоимений и наречий места и времени. Подробно употребление ауторефлективных элементов рассматривается в работах Э. Бенвениста.

Обозначению собеседника служат также формы обращения. Категория обращения включается тем самым в ряд метареферентных категорий.

Поверхностные представления речевых действий некоммункативного типа, соответствующих обычно ритуализованному речевому поведению, нередко имеют форму клишированных сочетаний, например: *Добрый день! Здравствуйте! Привет!* (приветствие); *До свидания! Пока!* (прощание); *Спасибо* (благодарность); *Всего доброго! Счастливого пути! Ни пуха, ни пера!* (пожелание); *Пожалуйста!* (просьба); *Хорошо, ладно* (согласие) и др.

Реплики, содержащие речевые действия некоммункативного типа, могут образовывать самостоятельные элементарные диалоги (т. е. соответствующие одному акту речевого взаимодействия), однако чаще они включаются непосредственно в коммуникативный диалог, выступая как самостоятельные речевые действия или же усиливая передаваемое репликой речевое воздействие, например:

— *Пожалуйста, передайте ей приглашение.*

— Хорошо, постараюсь.

Сложные речевые действия, разложимые на два элементарных — речевое воздействие и коммуникативное действие — имеют более разветвленную систему соответствий на поверхностном уровне. Прежде всего следует заметить, что сложные речевые действия конкретизируются обычно в каком-либо одном из двух своих аспектов: либо как речевые воздействия, либо как коммуникативные действия.

Для поверхностного представления речевых воздействий могут использоваться различные языковые средства: лексические (использование глаголов, непосредственно называющих соответствующие речевые действия, в определенной грамматической форме: *прошу, предупреждаю о чем-либо; обещаю что-либо*); грамматические (использование повелительного и желательного наклонений: *подожди меня! ты бы меня подождал*); лексико-грамматические (использование конструкций с модальными глаголами и модальными словами в изъявительном и желательном наклонении: *не могли бы вы меня подождать; надо бы ее подождать; ты должен ее подождать*).

Если речевое действие не конкретизируется как речевое воздействие, оно приобретает форму коммуникативного действия в каком-либо из его основных тактических видов: вопроса, суждения, сообщения, подтверждения, отрицания, эмоциональной оценки. Для каждого из этих тактических видов могут быть отмечены собственные языковые средства выражения. Одним из наиболее общих языковых средств является модальная форма высказывания: так, для вопроса, отрицания модальная форма однозначно задана и полностью их характеризует. В то же время остальные тактические категории могут иметь различные модальные формы: утверждение, предположение, сомнение, отрицание. Кроме того, многие тактические категории могут быть более детально описаны как логические операции: обобщение, заключение, противопоставление, сопоставление, уподобление, аналогия, уточнение, установление начала, установление порядка и т. д. Эти частные категории коммуникативных действий имеют свои средства выражения, лексические и грамматические, которые являются показателями коммуникативно-логической организации высказывания. Например, вывод, заключение, передаются лексически использованием слов *итак, таким образом*; уточнение — *а именно, например*; установление порядка — *во-первых, во-вторых, наконец, прежде всего*; аналогия — *и т. д., и т. п.* Грамматическими средствами передаются противопоставление, сопоставление, уподобление (*У лисы была избушка ледяная, а у зайца — лубяная; У него такие же глаза, как у матери; волнообразные движения; по-медвежьи неуклюжий*).

Тактическая категория эмоциональной оценки также имеет собственные языковые средства выражения. К ним относятся междометия, определенные синтаксические конструкции, передающие различные формы коммуникативных действий эмоциональной оценки — удивление, восхищение, возмущение, досаду и т. д. (*Ах, какая жалость! Что за безобразие! Вот это да! Ну и ну!*).

Итак, проведенный анализ способов поверхностного представления смысловой структуры акта речевого взаимодействия показал, что метареферентный план занимает в диалоге определяющее место по отношению к собственно референтному плану и не сводится к чисто формальному аппарату высказывания. Он представляет собой как бы ситуативный смысловой контекст, строящийся на основе коммуникативных намерений собеседников и включающий конкретное содержание высказывания. При этом нередко бывает трудно произвести четкое разграничение этих двух планов на поверхностном уровне, поскольку они нередко объединяются в рамках единых синтаксических структур.

Обращаясь к собственно референтному плану содержания реплики, можно заметить, что этот план оказывается значительно обедненным и практически несамостоятельным, т. е. не способным существовать независимо от метареферентного плана. В самом деле, за вычетом категорий повелительного и желательного наклонений, категорий лица,

модальности, времени, обращения, дейксиса, в референтном плане остается довольно ограниченный пласт грамматики. Что же касается лексического расслоения состава диалогических реплик, то здесь сфера мета-референтного плана ограничена выражением компонентов акта речевого взаимодействия, в то время как сфера референтного плана принципиально не ограничена.

Выделение двух планов в содержании диалога определяет его отличительную черту — двойственную ситуативность, т. е. одновременную референтную связь с ситуацией, о которой идет речь, и с ситуацией общения. Степень вхождения ситуации общения в диалогическую речь может быть различна, однако оно всегда имеет место.

Здесь встает вопрос о соотношении диалогической и монологической речи. При таком подходе традиционное противопоставление диалогической и монологической речи утрачивает смысл, поскольку любые проявления речевой деятельности оказываются включенными в рамки некоторой ситуации общения, что обуславливает невозможность существования референтного плана высказывания вне мета-референтного. Иначе говоря, любые формы речи предполагают собеседника, реального или потенциального: лекция — аудиторию, книга — читателя, дневник — самого его автора. Речь может здесь идти лишь о различии коммуникативных установок говорящего, в одном случае непосредственно направленных на восприятие собеседника, в другом — отвлекающихся от него, что и определяет различную степень вхождения ситуации общения в различные формы речи. Такой взгляд на соотношение диалогической и монологической речи (согласно которому монологическая речь в чистом виде представляется несуществующей абстракцией) не является принципиально новым. В современной лингвистической теории он развивается, в частности, Вяч. Вс. Ивановым. Обращаясь к истокам теории речевой коммуникации, мы находим его у В. Н. Волошинова, еще в 20-х годах отмечавшего: «Действительной реальностью языка — речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психо-физиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 314.
2. Rommetveit R. On message structure. London, 1974, p. 36.
3. Тарасов Е. Ф. К построению теории языковой коммуникации. — В кн.: Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шагнарвич А. М. Теоретические и прикладные проблемы языкового общения. М., 1979, с. 32.
4. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929, с. 113.